

Марков Евгений Львович

**Путешествие по Сербии и
Черногории. Путевые очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
Е14

Е14 **Евгений Львович М.**
Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки / Марков Евгений
Львович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 501 с.

ISBN 978-5-519-95482-2

ISBN 978-5-519-95482-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЪ БРАТСКОЙ ЗЕМЛѢ.

Очерки путешествія по Сербии.

I.

Салоники, древняя Солунь.

Салоники, наша старая славянская Солунь, показались на холмистомъ берегу въ глубинѣ просторнаго круглаго залива... Направо, къ Аоону, неясно вырисовывались далекія горы, влѣво, теперь уже позади насъ, все еще поднимался поэтическимъ миражемъ воздушный голубой Олимпъ. Издали съ глади моря онъ кажется какъ бы еще выше и величественнѣе, чѣмъ отъ береговъ Тессалии, видный во всей цѣльности своихъ очертаній трехглавою зубчатою пирамидой... Серединная вершина его выше, боковыя ниже; когда смотришь на это правильное распредѣленіе вершинъ священной горы древности, невольно приходитъ въ голову, что стремленіе строить храмы съ нѣсколькими куполами, окружающими одинъ главный, замѣтное не у однихъ Византійцевъ и Индусовъ, было прямо подражаніемъ священнымъ горамъ древности.

Салоники, между тѣмъ, вырастаютъ предъ нами не по часамъ, а по минутамъ и все больше приковываютъ наше вниманіе. Съ нами на пароходѣ ѣдетъ весьма говорливый господинъ Моло, первый драгоманъ персидскаго посольства, какъ стоитъ на его

визитной карточкѣ. Онъ одинъ изъ богатыхъ негоціантовъ богатаго Солуня и, кажется, считаетъ свой городъ счастливѣйшимъ и первѣйшимъ городомъ міра. По крайней мѣрѣ онъ не устаетъ расхваливать намъ его климатъ, плодородіе его полей, его кипучую торговлю и талантливость его жителей.

— Вы, пожалуйста, не думайте, что Салоники турецкій городъ, и что тамъ турецкое варварство!—горячо рассказывалъ онъ.—У насъ только губернаторъ турецкій паша—и больше ничего; турецкіе ли солдаты поддерживаютъ порядокъ, другіе ли, не все ли намъ равно? Кому-нибудь надо же охранять безопасность жителей. Во всемъ остальномъ у насъ свободная республика своего рода; мы все дѣлаемъ сами..

— То-есть, кто же «мы»? Греки или Славяне?—спросилъ я.

— О, нѣтъ!—съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отвѣчалъ синьоръ Моло.—Греки, конечно, живутъ въ Салоникахъ, и Славяне тоже есть, но Славяне—это простой народъ, мужики.. и все-таки славянскій и греческій языки вы услышите у насъ меньше, чѣмъ испанскій.

— Испанскій?—съ удивленіемъ переспросилъ я.

— Вы удивляетесь? Вы развѣ не знаете, что Салоники населены главнымъ образомъ испанскими Евреями? Это наше кровное гнѣздо; еще съ XV вѣка, со времени королевы Изабеллы, которая изгнала насъ изъ своихъ владѣній. Изъ 800.000 Евреевъ уцѣлѣло тогда не больше 10.000—15.000,—всѣ остальные погибли въ морѣ; тѣ, кто спаслись, высадились въ Салоникахъ, гдѣ имъ дали пріютъ. Съ тѣхъ поръ они здѣсь размножились до пятидесяти тысячъ и, слава Богу, не жалѣютъ о томъ, что здѣсь поселились. Нашъ народъ очень богатъ и просвѣщенъ гораздо больше, чѣмъ греки... Бѣдныхъ у насъ рѣдко встрѣтите.

— Не знаю, какъ у васъ, но я видѣлъ многіе еврейскіе центры и, признаюсь вамъ, вездѣ встрѣчаютъ массу бѣдноты,—замѣтилъ я.

— Ахъ, пожалуйста, не смѣшивайте насъ съ русскими или

австрійскими Евреями; между нами рѣшительно нѣтъ ничего общаго,—нѣсколько гадливо отозвался драгоманъ;—вотъ вы сами увидите, что салоницкіе Евреи—настоящіе передовые Европейцы, друзья свободы, прогресса, образованія, люди въ высшей степени дѣятельные и предприимчивые и нисколько не фанатики... Есть, конечно, и у насъ партія старовѣровъ; они продолжаютъ носить старинныя одежды, держаться средневѣковыхъ обычаевъ и средневѣковой нетерпимости; но ихъ уже гораздо меньше, и руководятъ всѣмъ не они, а мы, партія просвѣщенныхъ Евреевъ...

— Чѣмъ же торгуютъ Салоники?—спросилъ я.

— О, Салоники богатѣйшій портъ!—восторженно отвѣчалъ Мѣло.—Вся торговля Балканскаго полуострова идетъ черезъ насъ. Весь хлѣбъ вывозится отсюда. У насъ однихъ паровыхъ мельницъ для перемола пшеницы цѣлыхъ тридцать! Кромѣ того, есть бумагопрядильныя и разныя другія фабрики. А еслибъ Англичане ввозили въ Европу индійскіе товары черезъ нашъ портъ, а не черезъ Бриндизи, то мы стали бы еще вдвое богаче. Для нихъ это дало бы огромный барышъ: на десять часовъ короче путь. Теперь вѣдь изъ Салоникъ по желѣзной дорогѣ куда хотите везите товаръ—въ Вѣну, въ Парижъ, въ Берлинъ,—вся Европа открыта... Впрочемъ, договоръ Англичанъ съ Италіей скоро кончается, и они, вѣроятно, перейдутъ къ намъ.

— И неужто-жъ турецкіе порядки не мѣшаютъ вашему процвѣтанію?—усомнился я.

— Повѣрьте, что нѣтъ... Конечно, паша можетъ всегда чѣмъ-нибудь повредить, но для этого у насъ есть простое средство—деньги. Онъ доволенъ, молчитъ и не мѣшаетъ намъ жить и дѣйствовать какъ мы знаемъ, лишь бы не затѣвали чего-нибудь политическаго... Знаете, если бы въ Турціи ввести свободу печати да хорошую администрацію, Востокъ затмилъ бы своею торговлей и богатствомъ западную Европу... Здѣсь народъ удивительно способный на все. У насъ чуть не каж-

дый извозчикъ и лодочникъ говоритъ и по-испански, и по-гречески, и по-турецки, и по-славянски, и по-итальянски... Мы настоящая космополитическая нація. Гдѣ намъ хорошо,—тамъ и отечество наше... Кто съ нами хорошъ, съ тѣмъ и мы хороши...

— Русскихъ вы не особенно долюбиваете?

— Я человѣкъ откровенный и скажу вамъ прямо, что мы не любимъ Русскихъ... Не за чтó ихъ любить. Конечно, они народъ храбрый и не безъ способностей, но они думаютъ не объ образованіи, не о торговлѣ, а только о войнѣ, о томъ, чтобы захватить у кого-нибудь побольше... Хотя бы вотъ вспомнить послѣднюю войну съ нашею Турціей. Развѣ она была справедлива? Развѣ Турція трогала васъ? А притомъ и побѣды-то ваши не особенно почтенныя: вѣдь вы побѣдили рублемъ, а не штыками, и Керима-пашу на Дунаѣ, и Сулеймана-пашу на Шипкѣ...

— И вы вѣрите этимъ бабьимъ сказкамъ?—засмѣялся я.— Въ русской исторіи много такихъ Шипокъ и такихъ дунайскихъ переправъ,—по-вашему, всѣ онѣ добыты рублемъ? У нашего народа гораздо больше геройскаго духа чѣмъ серебряныхъ рублей...

Вода залива по мѣрѣ приближенія парохода къ берегу дѣлалась изъ прозрачно-голубой какою-то матовою и свѣтло-зеленою отъ примѣси прѣсныхъ водъ бурнаго, водообильнаго Вардара—этой самой большой рѣки Европейской Турціи, начинающейся еще въ горахъ Албаніи и стремительно вливающей свои струи въ морской заливъ.

Мѣло сообщилъ намъ, что у нихъ есть проектъ исправить глубокое русло Вардара и пустить по нему пароходы въ глубь страны.

Длинный плоскій языкъ земли протягивается слѣва въ заливъ, подстерегая своими подводными мелями корабли и пароходы, которые то и дѣло, бывало, разбивались здѣсь въ темныя бурныя ночи, пока портовая администрація не догадалась ку-

пить у Американцевъ большой корабль, тоже попавшій здѣсь на мель, и устронуть на немъ предохранительный маякъ, который краснѣетъ теперь передъ нами.

Къ правой косѣ подходить тоже опасно, поэтому пароходъ нашъ старательно держится середины залива, все больше и больше заворачивая вправо, гдѣ наконецъ раскрывается передъ нами ясно, какъ на ладони, весь городъ.

Мы съ женою не нахвалимся этимъ пугавшимъ насъ сначала греческимъ пароходомъ. Машина его работаетъ безъ шума и толчковъ, какъ хорошо устроенные часы; нигдѣ насъ во всемъ этомъ длинномъ переѣздѣ не тряхнуло, не качнуло ни раза.

Салоники сходятъ къ морю съ гребня холмистаго берега, далеко не столь высокаго и крутого, какъ въ Воло, и широко растекаются потомъ вдоль полукруглой окраины залива. Кругомъ его разноцвѣтныя карточки хорошо обработанныхъ полей и виноградниковъ. Справа дачи въ садахъ, трубы фабрикъ, а прямо предъ нами длинная набережная совсѣмъ европейскихъ большихъ и красивыхъ домовъ. Надъ этою набережной маскирующею своею цивилизованною внѣшностью тѣсноту и грязь стараго турецкаго города, толпятся его живописные кварталы, поднимаются куполы мечетей и стрѣлы минаретовъ. Греческія церкви хотя и есть въ Салоникахъ, но онѣ какъ-то не видны и не нарушаютъ общей магометанской фizioноміи этого древняго центра христіанства, заложеннаго еще труженическими руками апостола Павла. Есть здѣсь и католическая церковь, но и она тоже скромно прячется гдѣ-то, уступая господство турецкимъ мечетямъ.

Это турецкое владычество, которое въ такихъ розовыхъ краскахъ изображалъ намъ цивилизованный испанскій Еврей, выражается характернѣе всего въ старинной цитадели Еди-Куле, забравшейся на самый верхъ берегового гребня и вѣнчающей этотъ обширный и богатый городъ своими зубчатыми стѣнами, башнями и высокимъ минаретомъ мечети, что торчитъ надъ завоеванною христіанскою Солунью, словно водруженное копье побѣ-

дителя-мусульманина. Характерна также бѣлая среднесѣковая башня Венеціанцевъ, окруженная стѣною съ маленькими башенками, прежде жестокая темница турецкихъ пашей, а теперь только казарма для ихъ солдатъ, такъ какъ тюрьма переведена еще выше, въ казематы Еди-Куле, по-русски—Семибашеннаго замка. Большая круглая мечеть св. Георгія, превращенная, конечно, изъ старинной христіанской церкви того же имени, да огромный конакъ турецкаго вали, въ которомъ помѣщаются всѣ присутственные мѣста, особенно бросаются въ глаза среди тѣсноты городскихъ кварталовъ...

Синьоръ Мболо оказался прелюбезнымъ знакомымъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ показать намъ, иноземцамъ, не имѣвшимъ понятія о культурныхъ нравахъ испанскаго еврейства, всю его галантность и гостепріимство какъ истаго хозяина. Онъ усадилъ насъ въ выѣхавшій за нимъ щегольской баркасъ, познакомилъ насъ со встрѣтившимъ его братомъ и потомъ, когда мы высадились, отправился въ турецкую таможенную хлопотать о нашемъ багажѣ, поручивъ провожать насъ своимъ родственникамъ. Къ удовольствію моему, его предстательство за насъ оказалось весьма дѣйствительнымъ, потому что до нашихъ чемодановъ даже и не прикоснулись, а прямо наклеили разрѣшительные ярлыки.

Тѣ же обязательные господа проводили насъ въ Hôtel de la Turquie, на видномъ мѣстѣ, тутъ же сейчасъ надъ моремъ, гдѣ намъ за 5 золотыхъ франковъ отвели чистую комнату съ покойными постелями и весьма приличнымъ убранствомъ.

Едва напившись кофе, я отправился въ Оттоманскій Банкъ за деньгами для дальнѣйшаго нашего путешествія; обсчитали-было меня на десять золотыхъ ливровъ, но когда я, провѣривъ счетъ дома, явился опять въ великолѣпный отель Банка съ мраморными статуями и фонтанами я довольно рѣзко потребовалъ недоданный деньги, кассиръ безпрекословно выдалъ ихъ мнѣ, какъ будто онъ уже впередъ зналъ, что надулъ довѣрчиваго иностранца. Изъ Банка я отправился къ нашему генеральному консулу. Пять распитыхъ золотомъ кавасовъ встрѣтили меня у

его дверей. Консула я засталъ и поспѣшилъ разспросить обо всемъ, что мнѣ было нужно. Когда я объяснилъ ему, что мы съ женою собираемся посѣтить Ипекъ, Косово и вообще Старую Сербію, консулъ безнадежно махнулъ рукою.

— Помилуйте, и думать нельзя, — рѣшительно объявилъ онъ. — Вѣдь это гнѣздо самыхъ буйныхъ Албанцевъ. Тамъ постоянная рѣзня и грабежъ между племенами. Какъ нарочно смуты опять только-что начались тамъ. Мутасерифъ турецкій просто-напросто бѣжалъ изъ Ипека подъ предлогомъ какихъ-то дѣлъ, потому что у него нѣтъ достаточно силъ справиться съ ними, и теперь не хочетъ совсѣмъ возвращаться туда. Съ дамою особенно опасно. Сейчасъ же въ горы уведутъ, чтобы выкупъ получить. Турецкая власть вѣдь тамъ только по имени; Арнауты въ грошъ ее не ставятъ. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, нашего консула въ Ускюбѣ нѣтъ: посланъ временно исполнять должность въ другой городъ. Нѣтъ, вы и помыслъ всякій оставьте о Старой Сербіи... Туда положительно невозможно ѣхать при теперешнихъ обстоятельствахъ...

Пришлось, хотя и съ большимъ огорченіемъ, отказаться отъ давно лелѣемой мысли посѣтить древнюю колыбель и древнѣйшія святыни Сербскаго царства, могилу геройства народа сербскаго, которая такъ глубоко заинтересовала меня при чтеніи превосходнаго путешествія Гильфердинга, во время его бытности консуломъ въ Сараевѣ.

Перетолковавъ съ женою, мы рѣшились ѣхать черезъ Македонію на Ускюбъ и Нишъ, прямо въ Сербское королевство и объѣхать хотя его интереснѣйшіе историческіе уголки.

Любезный консулъ нашъ далъ намъ для этого письмо въ Нишъ къ тамошнему русскому консулу.

Отдохнувъ порядкомъ въ гостиницѣ, мы наняли коляску, чтобы объѣхать городъ и хотя наружно познакомиться съ нимъ. Салоники — большой, богатый и благоустроенный городъ. Онъ уже теперь насчитываетъ вмѣстѣ съ пришлымъ людомъ до 130.000 жителей и разрастается съ каждымъ днемъ. Новыя

улицы—прямые, широкія, обсаженные деревьями, хорошо вымощены, хорошо обстроены. Но и старыя тоже, хотя тѣсны и извилисты, однако, вымощены прекрасно, несравненно лучше нашихъ русскихъ; здѣсь уже истая Турція—крытые базары, безчисленные кухоньки и лавчонки на улицахъ и сплошныя рѣжки красныхъ фесокъ. Феска здѣсь все одолѣла и вмѣстѣ съ многочисленными минаретами сообщаетъ городу совѣтъ турецкую фізіономію; но вы сильно ошибетесь, если подумаете, что весь этотъ людъ въ красныхъ фескахъ—дѣйствительные Турки. Тутъ, конечно, порядочное число турецкихъ солдатъ и офицеровъ, которыхъ сейчасъ узнаете по ихъ краснымъ поясамъ и ихъ варварскимъ, часто настоящимъ звѣрскимъ фізіономіямъ. Но все-таки огромное большинство составляютъ Израелиты и Греки. Израелитами здѣсь зовутъ сами себя въ публикѣ испанскіе Евреи, не желающіе, чтобъ ихъ смѣшивали съ обыкновенными Евреями, заслужившими себѣ не особенно блестящую репутацію. Израелитовъ тутъ 50.000, изъ ста тысячъ коренного населенія, остальные 50.000—Греки и Турки, каждаго поровну. Извозчики, лодочники здѣсь все Израелиты, оттого вездѣ слышится испанскій жаргонъ. Интересны наряды Израелитокъ стариннаго закала, еще не поддавшихся моднымъ новшествамъ; ихъ пока встрѣчаешь цѣлыя толпы. Одѣты онѣ очень богато, даже роскошно. Обыкновенно у нихъ на головѣ шелковый платокъ какого-нибудь яркаго цвѣта, сложенный шарфомъ и спадающій съ темени на спину расшитыми концами; яркая шелковая лента другого цвѣта, подвязанная подъ подбородокъ, придерживаетъ этотъ бросающійся въ глаза головной уборъ; на груди жемчугъ, можетъ быть и фальшивый, и всякія другія разноцвѣтныя ожерелья; яркая талія вырѣзана такъ, что совершенно отчетливо обрисовываетъ груди, прикрытыя бѣлою рубашкой. Поверхъ всего надѣтъ въ рукава шелковый полосатый бешметъ, тоже очень яркій, едва покрывающій одну только спину и оставляющій на виду платье и фартукъ, все необыкновенно яркое и многоцвѣтное... Нужно думать, что этотъ со-

всѣмъ восточный нарядъ, можетъ быть заимствованный еще у испанскихъ Мавровъ, удержался здѣсь со временъ королевы Изабеллы.

Болѣе культурная часть населенія въ обыкновенныхъ модныхъ платьяхъ Европы, только особенно кричащихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ и не совсѣмъ скромной пышности.

Теперь здѣсь сезонъ ягодъ и плодовъ, и въ безчисленныхъ лавочкахъ, къ удивленію нашему очень чистыхъ, навалены горы бархатистыхъ черныхъ черешень, румяныхъ абрикосовъ, кровавой земляники, крупной какъ дикія яблочки. Но, кажется, всего больше здѣсь кофеенъ, какъ и вообще, впрочемъ, въ южныхъ городахъ. Здѣшнія кофейни очень приличны. Просторныя, большею частію сквозныя, со стеклянными стѣнками на улицу, съ безчисленнымъ множествомъ мраморныхъ столиковъ—и внутри и снаружи, въ тѣнистыхъ садикахъ и прямо на тротуарахъ улицы. Давно я не видалъ такого движенія толпы по всѣмъ улицамъ, площадямъ, переулкамъ, садикамъ, кофейнямъ. Отъ этого безостановочнаго прилива и отлива красныхъ головъ дѣлается красно въ глазахъ. Но я съ трудомъ могъ вообразить себѣ, что нахожусь не въ Смирнѣ и не въ Бейрутѣ, а въ томъ самомъ Солуни, гдѣ апостолъ язычниковъ насаждалъ одну изъ первыхъ христіанскихъ церквей, и гдѣ потомъ, много вѣковъ спустя, жили и дѣйствовали его вѣрные послѣдователи, первые прозвѣтители славянства...

Отъ временъ римской древности въ Салоникахъ уцѣлѣло немного памятниковъ. Интереснѣе другихъ триумфальныя ворота въ центрѣ стараго города. Они и теперь еще очень красивы и типичны, хотя срединная арка ихъ уже разрушена и замѣнена новою, совсѣмъ голою аркою возмутительнаго безвкусія. Зато массивные боковые столбы изъ сѣраго мрамора, на которыхъ покоилась арка, каждый аршинъ по пяти ширины, сохранились прекрасно. Всѣ три яруса ихъ сплошь покрыты мастерскою скульптурою битвъ, торжественныхъ шествій и жертвоприношеній.

Ворота эти называются аркою Константина и построены въ память его побѣды надъ Сарматами. Арка Константина пересѣкала знаменитую вѣкогда военную дорогу *via Egnatia*, проходившую въ римскія времена отъ Босфора до Адріатики по всему южному побережью Балканскаго полуострова.

Шагахъ въ полтораста отъ этихъ воротъ недавно стояла другая античная арка, но Англичане понемногу раскрали ее, подкупая сосѣднихъ жителей растаскивать по ночамъ и продавать имъ камни, конечно, со скульптурою.

Отъ коринѣской колоннады осталось тоже немного. Зато древняя греческая церковь, до сихъ поръ слышущая у народа подъ именемъ «аѣя Георгіосъ», хотя она уже цѣлые вѣка тому назадъ обращена въ турецкую мечеть Орта-Султанъ-Османъ-джами, уцѣлѣла вполнѣ, благодаря этому обстоятельству. Къ этой «Ротондѣ» мы чуть проѣхали на своей коляскѣ сквозь узенькій переулочекъ. Повидимому, церковь эта была вмѣстѣ и сильною крѣпостною башней, судя по чрезвычайной массивности ея стѣнъ и бойничнымъ отверстіямъ кругомъ третьяго яруса. Во второмъ этажѣ еще есть по одному полукруглому окну съ каждой стороны, но низъ башни совсѣмъ глухой, какъ подобаетъ крѣпости. Внутри мечети на высоко приподнятомъ сводѣ купола превосходныя древнія мозаики, теперь уже полуразрушенныя. Три притвора на грубыхъ безвкусныхъ колоннахъ, повидимому, прилѣплены къ ней уже Турками. На такихъ же колоннахъ и фонтанъ посреди двора—неизбѣжная принадлежность мусульманской мечети. Около него обломокъ очень изящнаго памятника съ античною скульптурою и слѣдами ступеней. Мѣстное преданіе увѣряетъ, будто съ этого камня апостолъ Павелъ проповѣдывалъ Солунянамъ воскресшаго Христа. Многовѣковые тѣнистые платаны, можетъ-быть, еще современники Эллиновъ, приосѣняютъ этотъ безмолвный дворикъ, за которымъ тянется турецкое кладбище съ большими и богатыми мраморными памятниками.

Салоники играли важную роль и въ исторіи классическихъ